

DOI: 10.15643/libartrus-2023.1.4

Прагмалингвистические особенности современной англоязычной риторики политического конфликта

© Л. С. Чикилева^{1*}, Е. Ю. Алешина²

¹Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Россия, 125993 (ГСП-3) г. Москва, Ленинградский проспект, 49.

²Пензенский государственный университет
Россия, 440026 г. Пенза, улица Красная, 40.

*Email: lchikileva@fa.ru

Статья посвящена изучению специфики современной англоязычной публичной политической риторики в ситуации политического конфликта. Политический контекст подразумевает конфликтную ситуацию геополитического характера, в которую вовлечены Украина и Россия. Англоязычная риторика, рассмотренная в статье, отражает позицию одной стороны конфликта. Исследовательский интерес авторов направлен на выявление жанровых характеристик публичных выступлений политических лидеров, а также на прагмалингвистические особенности публичных выступлений: стратегию поведения в конфликте, стратегии и тактики манипулятивности. Авторы статьи приходят к выводу, что рассматриваемые выступления, которые могут быть отнесены к убеждающе-призывному жанру, содержат стратегии манипулятивного политического дискурса, которые определяют прагмалингвистические характеристики публичной речи.

Ключевые слова: публичный политический дискурс, политическая риторика, политический конфликт, стратегии и тактики манипуляции.

Обращение к публичной политической риторике в ситуации политического конфликта имеет под собой весомые основания. Изучение политической коммуникации конфликта способствует анализу многообразных политических процессов, происходящих в мире. Как важный инструмент в политике риторика может быть использована для формирования общественного мнения и воздействия на решения власти. В ситуации политического конфликта публичное политическое выступление, в большинстве случаев, становится основным средством диалога между сторонами конфликта и определяет характер и направление дальнейших событий. При этом в данной работе под конфликтом подразумевается противодействие интересов сторон, выражающееся в целом спектре действий – от военных до речевых. Посредством изучения риторики политического конфликта исследователь выясняет, какие аргументы и стратегии используются различными сторонами конфликта для достижения коммуникативных и политических целей. Эффективное владение стратегиями публичной риторики может предотвратить эскалацию конфликта и способствовать его мирному разрешению.

Публичная политическая риторика прекрасно иллюстрирует стремление политика к самоопределению в ответственные моменты истории, в моменты вхождения в кризисный глобальный хронотоп... в кругу устойчиво претендующих на гегемонию, исключительность системных оппонентов [12].

Публичное политическое выступление представляет собой воплощение политического дискурса, под которым в данной статье понимается текст, «определенный тематикой утверждения и

выражения интересов субъектов политики в процессе их деятельности, борьбы за политическую власть и рассмотренный в ситуации политического общения» [4, с. 33]. Данное определение было сформулировано на основе трактовки дискурса как текста, который тематически определен, задуман в своей целостной концепции и рассмотрен в ситуации общения, в которой он разворачивается [6].

На протяжении последних десятилетий политический дискурс неизменно остается объектом лингвистического изучения. Исследованию подлежат различные аспекты политической коммуникации, которые нашли отражение в работах отечественных и зарубежных ученых (Э. В. Будаев, Т. В. Дубровская, В. И. Карасик, М. Л. Макаров, Т. Г. Попова, М. Ю. Сейранян, В. Е. Чернявская, Е. И. Шейгал, Т. ван Дейк, Х. Гирнт, Д. Шиффрин, Н. Фэрклаф, П. Чилтон и др.). Политический дискурс стал объектом ряда исследований последних лет (А. Б. Алексеев, О. Ф. Ахметгареева, А. Н. Глущенко, Д. Р. Гилязова, К. А. Кокорина, В. М. Костина, Е. И. Кригер, Я.-А. В. Лето, Т. С. Макарова, К. А. Марченко, Е. Н. Молодыхенко, И. С. Никитина, Е. Н. Овчаренко, И. О. Онал, Н. В. Погребняк, И. В. Савельева, Г. В. Самородин, Д. М. Татаурова, И. В. Щербак и др.). Публичная политическая риторика также продолжает быть в центре исследовательского интереса. Структурно-прагматические особенности публичного политического выступления были рассмотрены в трудах Ю. В. Рождественского, М. Я. Блоха и Е. Л. Фрейдиной, Л. С. Чикилевой, Г. Г. Хазагера, И. Б. Лобанова и др.

Прагмалингвистические характеристики политического дискурса могут быть выявлены путем изучения его жанровой специфики. В основу жанровой градации могут быть положены разные принципы. Необходимо отметить, что, согласно М. Я. Блоху, жанр как понятие связан с целевыми установками речи и отражает целевое содержание высказывания.

Представляется возможным выделить следующие жанры политического дискурса и публичного политического дискурса: информационный; убеждающий; призывный; жанр-оправдание/покаяние [3, 4]. Предлагаемая градация жанров политического дискурса основана на принципе выделения целевого содержания высказывания как основного фактора регуляции речевого общения [3, 4]. Целевое содержание высказывания предполагает реализацию цели высказывания в коммуникации политика и напрямую определяется характером коммуникативной политической деятельности, зачастую связанной с манипулятивностью.

В данной работе при анализе манипулятивности как составляющей целевого содержания высказывания была использована классификация стратегий и тактик политического дискурса, предложенная О. Л. Михалевой [23]. Эта классификация включает ряд стратегий: стратегия на понижение, стратегия на повышение и стратегия театральности. Стратегия на понижение используется для дискредитации оппонента и может быть реализована посредством тактики обвинения, тактики обличения, тактики оскорбления и тактики угрозы.

Стратегия на повышение связана с выражением положительного отношения к ситуации и предполагает обращение к тактике презентации и тактике отвода критики. Стратегия театральности заключается в зрелищности политической коммуникации, в стремлении говорящего произвести хорошее впечатление на слушающих. Данная стратегия включает в себя тактику побуждения, тактику размежевания, тактику обещания [23].

Вышеприведенные прагмалингвистические параметры, применимые для анализа политической риторики [37], могут быть рассмотрены в рамках стратегий поведения в конфликте, согласно модели конфликтного поведения К. Томаса и Р. Килменна [46], которая двухмерна и предлагает оппозицию стратегии партнерства и стратегии напористости. Данные стратегии

предполагают реализацию ряда тактик: противоборство, избегание, уступка, компромисс и сотрудничество.

Обратимся к анализу англоязычных публичных выступлений президента Украины В. Зеленского, представляющего оппозиционную сторону в конфликте, который в настоящее время находится на пике своей эскалации. Для анализа были выбраны некоторые из его выступлений за 2022–2023 гг., отражающие стратегию поведения оратора в конфликте, которую, согласно двухмерной модели К. Томаса и Р. Килменна [46], можно определить как стратегию напористости при преобладании тактики противоборства. Хотя рассматриваемые выступления адресованы парламенту Канады [49], Организации объединенных наций [48] и Европейскому парламенту в Брюсселе [47], вместе с тем они адресованы и более широкой аудитории, в том числе и основному противнику в конфликте, а именно, российской стороне. Что касается жанровой принадлежности рассматриваемых выступлений в терминах вышеприведенной классификации [3, 4], нужно отметить, что эти выступления могут быть отнесены к смешанному убеждающе-призывному жанру. Основной целью этих выступлений является убеждение западных стран в признании необходимости европейской интеграции Украины и призыв оказать ей всестороннюю поддержку в конфликте.

Рассматриваемые англоязычные выступления в основном построены по классической структурной схеме и оформлены в традициях англо-саксонской политической риторики. Целевое содержание высказывания в рассматриваемых текстах напрямую связано со стратегиями, к которым прибегает оратор для достижения цели убеждения. В качестве идиостилевой характеристики следует отметить множественные обращения оратора к аудитории не только во вступлении, но и на протяжении основной части выступления. Например, в своей речи, адресованной Европарламенту 9 февраля 2023 г., президент Украины обращается к различным социальным группам граждан европейских стран и представителям различных профессий, вовлекая их в коммуникативный контекст, подчеркивая важность их поддержки: *«Dear representatives of Europe! Dear leaders of Europe! Dear ladies and gentlemen of the parliament! Dear employees of the European Parliament and other European institutions! Dear journalists! Dear security officials, military! Police officers, rescuers! Dear municipal employees! Diplomats! Teachers! Professors! Scientists! Dear doctors, drivers and port workers! Farmers! Dear industrialists and workers of industrial enterprises! Owners of small and large businesses, banks! Dear power engineers and railway workers! Dear students, pupils! Trade union activists, representatives of non-governmental organizations! Dear directors and artists! Lawyers, judges, environmentalists, human rights activists»* // «Уважаемые представители Европы! Уважаемые лидеры Европы! Уважаемые дамы и господа парламентарии! Уважаемые сотрудники Европарламента и других европейских организаций! Уважаемые журналисты! Уважаемые силовики, военные! Полицейские, спасатели! Уважаемые муниципальные служащие! Дипломаты! Учителя! Профессора! Ученые! Уважаемые врачи, водители и портовики! Фермеры! Уважаемые промышленники и рабочие промышленных предприятий! Владельцы малого и крупного бизнеса, банков! Уважаемые энергетики и железнодорожники! Дорогие студенты, школьники! Профсоюзные активисты, представители общественных организаций! Уважаемые режиссеры и артисты! Юристы, судьи, экологи, правозащитники!» [47].

В рамках приведенной ранее классификации стратегий и тактик политического дискурса [23] в рассматриваемых текстах выступлений можно выделить практически все указанные стратегии. Посредством стратегии на повышение оратор создает положительный образ аудитории, к которой он обращается (в приведенных примерах выделены подчеркиванием

анализируемые явления): «*I thank you for these powerful words and I thank you for your personal attention, an extremely important attention for Ukraine. I thank you for your integrity and energy, two qualities that we see invariably in the current struggle for Europe and whose combination is always a prerequisite for progress. Europe is fortunate that in this hall, in the largest parliament in Europe, the European Parliament, principled and energetic people are an absolute majority. I thank you*» // «*Я благодарю вас за эти сильные слова и я благодарю вас за личное внимание, чрезвычайно важное для Украины внимание. Я благодарю вас за вашу принципиальность и энергию, два качества, которые мы неизменно видим в нынешней борьбе за Европу и сочетание которых всегда является предпосылкой для прогресса. Европе повезло, что в этом зале, в крупнейшем парламенте Европы, Европарламенте, принципиальные и энергичные люди составляют абсолютное большинство. Я благодарю вас*» [47]. В приведенном выше примере стратегия на повышение реализуется с помощью многократного повтора слов благодарности.

Тактика презентации, реализуемая в рамках стратегии повышения, использована и в следующих фрагментах, в которых создается положительный образ Канады и вместе с тем присутствует призыв к расширению усилий по поддержке Украины: «*Please expand your efforts to bring back peace in our peaceful country. I believe and I know that you can do it. We are part of the anti-war coalition and jointly I am sure that we'll achieve results*» // «*Пожалуйста, приложите больше усилий для восстановления мира в нашей мирной стране. Я верю и знаю, что вы можете это сделать. Мы часть антивоенной коалиции и вместе, я уверен, мы добьемся результата*» [49]. В начале приведенного выше примера используются местоимение I/я, you/вы, далее оратор объединяет себя с адресатом речи и переходит на we/мы, чтобы придать убедительность призыву к совместным действиям.

Стратегия на повышение связана со стратегией театральности, которая делает политическую коммуникацию более зрелищной и яркой. В рассматриваемых выступлениях стратегия театральности реализуется, главным образом, посредством тактики побуждения, с помощью которой оратор пытается убедить аудиторию в необходимости продолжения помощи: «*Canada has always been steadfast in their support. You've been a reliable partner to Ukraine and Ukrainians, and I am sure this will continue. You've offered your help, your assistance at our earliest request. You supply us with the military assistance, with humanitarian assistance, you imposed serious sanctions*» // «*Канада всегда была непоколебима в своей поддержке. Вы были надежным партнером для Украины и украинцев, и я уверен, что так будет и дальше. Вы предложили свою помощь, свою помощь по нашей первой просьбе. Вы поставляете нам военную помощь, гуманитарную помощь, вы ввели серьезные санкции*» [49]. В приведенном примере при упоминании различных видов оказываемой помощи с помощью повтора слов *help, assistance* достигается эффект градации, роста эмоциональной напряженности.

В речи, адресованной Канадскому парламенту, стратегия театральности реализуется и посредством повторения ключевой структуры всего текста «*Can you imagine*». Риторический вопрос в различных смысловых модификациях является когнитивным интенсификатором для манипуляции сознанием коллективного адресата, с помощью которого при обращении к аудитории создаются воображаемые ситуации для роста напряженности и пробуждения чувства страха у слушателей: «*Can you imagine the famous CN Tower in Toronto, if it was hit by Russian bombs?*» // «*Вы можете себе представить знаменитую Си-Эн Тауэр в Торонто, если бы в нее попали российские бомбы?*» [49].

Вместе с тем весомую аргументативную нагрузку несет прием сторителлинга, который используется оратором для того, чтобы сделать высказывание более убедительным. В своем

обращении к Организации объединенных наций оратор рассказывает о своем посещении украинского города Бучи: «*I am sure that all the representatives of the UN member states will hear me today. Yesterday I returned from our city of Bucha...*» // «Уверен, что сегодня меня услышат все представители государств-членов ООН. Вчера я вернулся из нашего города Бучи» [48].

Одним из эффективных приемов для привлечения внимания адресата является использование риторических вопросов, например: «*Are you ready for dissolving the UN? If your answer is yes, you need to act now, act immediately*» // «Готовы ли вы к роспуску ООН? Если ваш ответ да, то вам нужно действовать сейчас, действовать немедленно» // «*How to stop it?*» // «Как это остановить?» // «*Why did Russians come to Ukraine, tell me?*» // «Зачем русские пришли в Украину, скажите мне?». Оратор дает ответы на заданные вопросы, выражая собственную точку зрения. На протяжении всей речи часто используется местоимение *we*, например: «*But the main thing is that today is the time to transform the system, the core of which is the United Nations. To do this, we propose to convene a global conference. Therefore, we must do everything in our power to pass on to the next generations an effective UN with the ability to respond preventively to security challenges and thus guarantee peace*» [48]. // «Но главное в том, что сегодня настало время трансформировать систему, ядром которой является Организация Объединенных Наций. Для этого мы предлагаем созвать глобальную конференцию. Поэтому мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы передать следующим поколениям эффективную ООН, способную превентивно реагировать на вызовы безопасности и тем самым гарантировать мир» // «*Ukraine needs peace. We need peace. Europe needs peace. The world needs peace*» [48]. // «Украине нужен мир. Нам нужен мир. Европе нужен мир. Миру нужен мир». В приведенном выше примере оратор упоминает свою страну, но при этом объединяет себя с адресатом речи (*we need peace*), прослеживается градация (*Ukraine/we/Europe/world*).

Стилистические приемы и средства способствуют реализации целевого содержания высказывания. Повторы, синтаксический параллелизм, прием антитезы используются для создания яркого образа совместной Европы: «*This is our Europe. These are our rules. This is our way of life. And for Ukraine, it's a way home. Now I am here to protect the way home for our people. All Ukrainian men, all Ukrainian women. Of different ages and different political beliefs, different social status, different views on religion, with different personal stories, but common European history with all of you*» // «Это наша Европа. Это наши правила. Это наш образ жизни. А для Украины это дорога домой. Теперь я здесь, чтобы защитить дорогу домой для нашего народа. Всех украинских мужчин, всех украинских женщин. Разных возрастов и разных политических убеждений, разного социального статуса, разных взглядов на религию, с разными личными историями, но общей всеми вами европейской историей» [47].

В целях побуждения к действию оратор бросает вызов аудитории, говоря о роспуске ООН как о возможном гиперболизированном варианте развития событий. В приведенном ниже примере использованы модальные глаголы *need* и *must* в сочетании с повторяющимся наречием *immediately*: «*Ladies and Gentlemen! Are you ready for the dissolving of the UN? Do you think that the time of international law has passed? If your answer is no, you need to act now, act immediately. The power of the UN Charter must be restored immediately. The UN system must be reformed immediately so that the right of veto is not a right to kill. So that there is a fair representation of all regions of the world in the Security Council*» // «Дамы и господа! Вы готовы к роспуску ООН? Вы считаете, что время международного права прошло? Если ваш ответ «нет», вам нужно действовать сейчас, действовать немедленно. Сила Устава ООН должна быть немедленно восстановлена. Система

ООН должна быть немедленно реформирована, чтобы право вето не было правом убивать. Чтобы в Совете Безопасности было справедливое представительство всех регионов мира» [48].

Стратегия на понижение по отношению к противнику в конфликте присутствует во всех рассматриваемых публичных выступлениях. Оратор четко обозначает угрозу, исходящую от противоположной стороны конфликта. В данном случае можно говорить о тактике, направленной на дискредитацию противника: «*This total war that has been unleashed by Russia is not just about territory in one part of Europe or another*» // «Эта тотальная война, развязанная Россией, касается не только территории в той или иной части Европы» [47].

При реализации тактики обличения оратор использует личное местоимение *they* для обозначения противника: «*They are giving siege, encircling cities and they start to shell civil neighbourhoods. They bomb school buildings. They destroy kindergartens*» // «Они осаждают, окружают города и начинают обстреливать жилые кварталы. Они бомбят школьные здания. Они уничтожают детские сады» [49].

Особого внимания заслуживает тактика оратора, используемая для единения говорящего с адресатом. В данном случае превалируют не этнические интересы лидера одной из Европейских стран, а стремление получить дальнейшую поддержку и желание интегрироваться в европейское сообщество с европейским образом жизни и европейскими нормами жизни: «*All of us, Europeans, each and every one of the hundreds of millions of people on our continent, combine these two statuses—representatives of Europe and leaders of Europe. This combination reflects what our Europe, a modern Europe, a peaceful Europe, gives to the world. European way of life. European path of life. European manner of life. European rules of life*» // «Все мы, европейцы, каждый из сотен миллионов людей на нашем континенте сочетаем в себе эти два статуса – представителей Европы и лидеров Европы. Это сочетание отражает то, что наша Европа, современная Европа, миролюбивая Европа дает миру. Европейский образ жизни. Европейский путь жизни. Европейские нормы жизни. Европейские правила жизни» [43]. В приведенном примере оратор подчеркивает свой статус европейца (*all of us Europeans*), а также статус европейского лидера. Кульминационным моментом всей речи можно считать следующее заявление оратора: *This is our Europe. These are our rules. This is our way of life*. Как следует из приведенного примера, президент одной отдельно взятой страны принимает европейские правила и европейский образ жизни в надежде на то, что его страна станет членом Евросоюза. При этом восхваляется как его страна, так и Евросоюз: «*Ukraine will be a member of the European Union! A victorious Ukraine! A member of the European Union – a victorious European Union!.. Glory to Ukraine*» // «Украина будет членом Евросоюза! Победоносная Украина! Член Евросоюза – победившего Евросоюза!.. Слава Украине» [43].

Подводя итог изложенному выше, необходимо отметить, что в рассматриваемых публичных обращениях имеется большинство манипулятивных стратегий и тактик политического дискурса, которые способствуют реализации целевого содержания высказывания публичного политического выступления убеждающе-призывного жанра. К идиостилевым характеристикам можно отнести высокую экспрессивность высказываний, реализуемую, в том числе и многочисленными обращениями к аудитории на протяжении всего выступления. Рассмотренные выступления обладают признаками речей декларационного типа с признаками высокой агональности. Агональность как характеристика политической коммуникации и универсалия культуры, предполагающая соревновательность [39, 40] в данном случае носит конфронтативный характер. Выразительность и демонстративность призваны обеспечить оратору достижение поставленных коммуникативных целей.

Представляется уместным отметить, что дипломатическая результативность публичного политического выступления в конфликтной ситуации напрямую соотносится с реализацией принципа толерантности, который должен быть положен в основу речи, произнесенной политиком. Выраженная агональность не способствует разрешению конфликта, а, скорее, усугубляет его. Публичная политическая речь, обладающая эффективностью в конфликтной ситуации, учитывает особенности аудитории, которой она адресована, сохраняет этнический колорит, национальную самобытность и выражает миротворческие и толерантные настроения оратора.

Литература

1. Алексеев А. Б. Политеймент и влияние его стратегий на языковую личность политика // *Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2020. №2. С. 91–102.
2. Алешина Е. Ю. *Публичное выступление, посвященное политическому конфликту*. М.: Прометей, 2020.
3. Алешина Е. Ю. *Публичный политический дискурс конфликтной ситуации*. М.: Прометей, 2015.
4. Ахметгареева О. Ф. К вопросу о лингвистических средствах метафорического воздействия в грузинском предвыборном дискурсе // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2020. №3. С. 15–23.
5. Блох М. Я. Дискурс и системное языкознание // *Язык. Культура. Речевое общение*. 2013. №1. С. 5–11.
6. Блох М. Я., Фрейдина Е. Л. *Публичная речь и ее просодический строй*. М.: Прометей, 2011.
7. Будаев Э. В. *Введение в политическую лингвистику*. СПб: Наукоемкие технологии, 2020.
8. Ван Дейк Т. А. *Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации*. М.: Книжный дом «Либроком», 2013.
9. Гилязова Д. Р. Конфликтотенные языковые маркеры в текстах // *Казанская наука*. 2021. №7. С. 75–77.
10. Глущенко А. Н. Манипулятивная тактика размежевания в политическом интернет-дискурсе (на основе микроблога Twitter) // *Научные технологии. Серия: Гуманитарные науки*. 2020. №4/2. С. 137–140.
11. Дубровская Т. В. Методологические вопросы исследования оппозиций в политическом дискурсе (на примере оппозиции «Сила vs. Слабость») // *Научный диалог*. 2016. №7(55). С. 23–44.
12. Ильин В. В. *Российская империя. Отжившее и живое*. М.: Проспект, 2023.
13. Карасик В. И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. М.: Гнозис, 2004.
14. Костева В. М. «Тоталитарная» лингвистика и ее дискурсивные практики // *Вестник МГЛУ. Сер.: Гуманитарные науки*. М., 2017. №6(777). С. 381–390.
15. Кригер Е. И. Структурно-семантические и прагматические особенности новых слов в американском СМИ в начале XXI века: автореф. ... дис. канд. филол. наук. М., 2022.
16. Лето Я.-А. В. К вопросу о соотношении понятий «коммуникативная агрессия» и «коммуникативная угроза» // *Вестник Башкирского университета*. 2021. Т. 26. №2. С. 502–506.
17. Макаров М. Л. *Основы теории дискурса*. М.: Гнозис, 2003.
18. Макарова Т. С. Проблема интерпретации исторического политического дискурса // *Политическая лингвистика*. 2018. №3(69). С. 114–121.
19. Марченко (Наумова) К. А. Гибридные форматы дискурса как часть институционального дискурса // *Когнитивные исследования языка*. 2020. №2(41). С. 661–665.
20. Михалева О. Л. *Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия*. М.: Либроком, 2019.
21. Никитина И. С. Языковая репрезентация государственно-правового уровня толерантности в современных немецких политических текстах // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2019. Т. 12. №7. С. 207–211.
22. Овчаренко Е. Н. Стилистические аспекты новой ортологии // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Филология и искусствоведение*. 2018. Вып. 3(217). С. 74–81.
23. Онал И. О. Концептуальные метафоры в публичных выступлениях Р. Т. Эрдогана (2018) // *Когнитивные исследования языка*. 2020. Вып. 2(41). С. 695–699.
24. Погребняк Н. В. Механизм формирования образа политического деятеля в немецком медиадискурсе (на примере образа Владимира Зеленского в немецких электронных СМИ) // *Современный ученый. Серия: Языкознание*. 2020. №6. С. 185–189.

25. Попова Т. Г., Кокорина К. А. Языковая личность политика как фактор информационно-психологической войны // *Политическая лингвистика*. 2020. Вып. 6(84). С. 86–95.
26. Рождественский Ю. В. *Теория риторики*. М.: Добросвет, 1997.
27. Савельева И. В. Непрофессиональный политический дискурс как новое коммуникативное явление: лингвопрагматический и лингвоперсонологический аспекты моделирования: автореф. ... дис. д-ра. филол. наук. Кемерово, 2022.
28. Самородин Г. В. Вербализация чрезвычайной ситуации, вызванной коронавирусной инфекцией, в дискурсе СМИ Германии // *Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование*. 2021. №1(41). С. 116–122.
29. Сейранян М. Ю. Дискурсивные маркеры речевого отраживания как отражение национально-культурной специфики речевого общения // *Преподаватель XXI век*. 2022. №3. Ч. 2. С. 380–386.
30. Татаурова Д. М. Специальный концепт, подданный как дискурсивный историзм в российском конституционном интертексте // *Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык*. 2021. №4(31). С. 64–77.
31. Хазагеров Г. Г., Лобанов И. Б. *Риторика*. Ростов н/Д: Феникс, 2004.
32. Чернявская В. Е. *Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия: Учеб. пос.* М.: Флинта, 2006.
33. Чернявская В. Е., Молодыхенко Е. Н. *История в дискурсе политики: лингвистический образ «своих» и «чужих»*. М.: URSS, 2018.
34. Чикилева Л. С. *Риторический дискурс: когнитивно-прагматический и структурно-стилистические аспекты*. М.: Флинта, 2005.
35. Чикилева Л. С., Сергеева А. Г. Политический дискурс парламентских дебатов: прагмалингвистический аспект // *Российский гуманитарный журнал*. 2020. Т. 9. №1. С. 42–60.
36. Шейгал Е. И., Дешеева В. В. Агональность в коммуникации: структура понятия // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2009. №34(72). С. 145–148.
37. Шейгал Е. И. *Семиотика политического дискурса*. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004.
38. Щербак И. В. Языковые средства формирования образа патриота в публичных выступлениях американских политиков // *Политическая лингвистика*. 2019. №6(78). С. 125–131.
39. Chilton P. *Analysing Political Discourse: Theory and Practice*. London: Routledge, 2004.
40. Fairclough N. Genres in Political Discourse // *Encyclopedia of Language and Linguistics* / Ed. K. Brown. Oxford: Elsevier, 2005.
41. Girnth H. Texte in politischen Diskurs. Ein Vorschlag zu diskursorientierten Beschreibung von Textsorten // *Muttersprache*. 1996. Bd. 106. S. 66–80.
42. Shiffrin D. *Approaches to Discourse*. Oxford, Blackwell, 1994.
43. Thomas K., Kilmann R. *The Thomas-Kilmann conflict mode instrument*. Mountain View, CA: CPP, Inc., 1974.
44. An attempt to destroy the Ukrainian European way of life by all-out war. Address by Volodymyr Zelensky, President, Ukraine. Delivered in special plenary session of the European Parliament, Brussels, February 9, 2023. URL: https://prorhetoric.com/an-attempt-to-destroy-the-ukrainian-european-way-of-life-by-all-out-war/?utm_source=UA-166835896-1&utm_medium=email&utm_campaign=Pro+Rhetoric.
45. Are you ready for the U.N. to be dissolved? Do you think that the time of international law has passed? Address by Volodymyr Zelensky, President, Ukraine. Delivered via video to the United Nations, April 6, 2022. URL: https://prorhetoric.com/are-you-ready-for-the-u-n-to-be-dissolved-do-you-think-that-the-time-of-international-law-has-passed/?utm_medium=email&utm_campaign=Pro+Rhetoric&utm_source=UA-166835896-1.
46. Can you only imagine? Address by Volodymyr Zelensky, President, Ukraine. Delivered via video to Canadian Parliament, March 15, 2022. URL: https://prorhetoric.com/can-you-only-imagine/?utm_campaign=Pro+Rhetoric&utm_source=UA-166835896-1&utm_medium=email.

Поступила в редакцию 05.02.2023 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2023.1.4

Pragmalinguistic features of contemporary English-language rhetoric of political conflict

© L. S. Chikileva^{1*}, E. Yu. Aleshina²

¹*Financial University under the Government of the Russian Federation
49 Leningradsky Avenue, 125993 Moscow, Russia.*

²*Penza State University
40 Krasnaya Street, 440026 Penza, Russia.*

*Email: lchikileva@fa.ru

The article is devoted to the study of the specifics of modern English-language public political rhetoric in a situation of political conflict. The political context implies a conflict situation of a geopolitical nature, in which the countries of the West, Ukraine and Russia are involved. The English rhetoric discussed in the article reflects the position of one side of the conflict. The research interest of the authors is aimed at identifying the genre characteristics of the political leader's public speeches, as well as the pragmalinguistic features of public speeches: the strategy of behavior in conflict, the strategies and tactics of manipulation. The authors of the article come to the conclusion that the speeches in question, which can be classified as belonging to the persuasive-invocative genre, contain strategies of manipulative political discourse that determine the pragmalinguistic characteristics of public speech. These strategies include the following: the strategy of downgrading or discrediting (used towards the opposing part in the conflict) with tactics of accusation and denouncing; the strategy of promotions (used towards own part in the conflict) with tactics of presentation; the strategy of theatricality used to make an impact on the audience. The idiosyncratic characteristics of the speeches under analysis feature multiple addresses to different social groups of the listeners incorporated in the text of the speech. The emphatic component is strengthened by means of stylistic devices used in the text.

Keywords: public political discourse, political rhetoric, political conflict, manipulation strategies and tactics.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Chikileva L. S., Aleshina E. Yu. Pragmalinguistic features of contemporary English-language rhetoric of political conflict // *Liberal Arts in Russia*. 2023. Vol. 12. No. 1. Pp. 46–56.

References

1. Alekseev A. B. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 2020. No. 2. Pp. 91–102.
2. Aleshina E. Yu. *Publichnoe vystuplenie, posvyashchennoe politicheskomu konfliktu [Public speech about political conflict]*. Moscow: Prometei, 2020.
3. Aleshina E. Yu. *Publichnyi politicheskii diskurs konfliktnoi situatsii [Public political discourse of a conflict situation]*. Moscow: Prometei, 2015.
4. Akhmetgareeva O. F. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 2020. No. 3. Pp. 15–23.
5. Blokh M. Ya. *Yazyk. Kul'tura. Rechevoe obshchenie*. 2013. No. 1. Pp. 5–11.

6. Blokh M. Ya., Freidina E. L. *Publichnaya rech' i ee prosodicheskii stroi [Public speech and its prosodic structure]*. Moscow: Prometei, **2011**.
7. Budaev E. V. *Vvedenie v politicheskuyu lingvistiku [Introduction to political linguistics]*. Saint Petersburg: Naukoemkie tekhnologii, **2020**.
8. Van Deik T. A. *Diskurs i vlast'. Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii [Discourse and power. Representation of dominance in language and communication]*. Moscow: Knizhnyi dom "Librokom", **2013**.
9. Gilyazova D. R. *Kazanskaya nauka*. **2021**. No. 7. Pp. 75–77.
10. Glushchenko A. N. *Nauchnye tekhnologii. Seriya: Gumanitarnye nauki*. **2020**. No. 4/2. Pp. 137–140.
11. Dubrovskaya T. V. *Nauchnyi dialog*. **2016**. No. 7(55). Pp. 23–44.
12. Il'in V. V. *Rossiiskaya imperiya. Otvzhivshee i zhivoe [Russian empire. Obsolete and alive]*. Moscow: Prospekt, **2023**.
13. Karasik V. I. *Yazykovoii krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Linguistic circle: personality, concepts, discourse]*. Moscow: Gnozis, **2004**.
14. Kosteva V. M. *Vestnik MGLU. Ser.: Gumanitarnye nauki*. Moscow, **2017**. No. 6(777). Pp. 381–390.
15. Kriger E. I. *Strukturno-semanticheskie i pragmaticheskie osobennosti novykh slov v amerikanskom SMI v nachale XXI veka: avtoref. ... dis. kand. filol. nauk*. Moscow, **2022**.
16. Leto Ya.-A. V. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. **2021**. Vol. 26. No. 2. Pp. 502–506.
17. Makarov M. L. *Osnovy teorii diskursa [Fundamentals of discourse theory]*. Moscow: Gnozis, **2003**.
18. Makarova T. S. *Politicheskaya lingvistika*. **2018**. No. 3(69). Pp. 114–121.
19. Marchenko (Naumova) K. A. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. **2020**. No. 2(41). Pp. 661–665.
20. Mikhaleva O. L. *Politicheskii diskurs: spetsifika manipulyativnogo vozdeistviya [Political discourse: the specifics of manipulative influence]*. Moscow: Librokom, **2019**.
21. Nikitina I. S. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. **2019**. Vol. 12. No. 7. Pp. 207–211.
22. Ovcharenko E. N. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya i iskusstvovedenie*. **2018**. No. 3(217). Pp. 74–81.
23. Onal I. O. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. **2020**. No. 2(41). Pp. 695–699.
24. Pogrebnyak N. V. *Sovremennyyi uchenyi. Seriya: Yazykoznanie*. **2020**. No. 6. Pp. 185–189.
25. Popova T. G., Kokorina K. A. *Politicheskaya lingvistika*. **2020**. No. 6(84). Pp. 86–95.
26. Rozhdestvenskii Yu. V. *Teoriya ritoriki [Theory of rhetoric]*. Moscow: Dobrosvet, **1997**.
27. Savel'eva I. V. *Neprofessional'nyi politicheskii diskurs kak novoe kommunikativnoe yavlenie: lingvopragmaticheskie i lingvopersonologicheskie aspekty modelirovaniya: avtoref. ... dis. d-ra. filol. nauk*. Kemerovo, **2022**.
28. Samorodin G. V. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoie obrazovanie*. **2021**. No. 1(41). Pp. 116–122.
29. Seiranyan M. Yu. *Prepodavatel' XXI vek*. **2022**. No. 3. Pt. 2. Pp. 380–386.
30. Tataurova D. M. *Crede Experto: transport, obshchestvo, obrazovanie, yazyk*. **2021**. No. 4(31). Pp. 64–77.
31. Khazagerov G. G., Lobanov I. B. *Ritorika [Rhetoric]*. Rostov n/D: Feniks, **2004**.
32. Chernyavskaya V. E. *Diskurs vlasti i vlast' diskursa. Problemy rechevogo vozdeistviya: Ucheb. pos. [The discourse of power and the power of discourse. Problems of speech impact: textbook]*. Moscow: Flinta, **2006**.
33. Chernyavskaya V. E., Molodychenko E. N. *Istoriya v diskurse politiki: lingvisticheskii obraz "svoikh" i "chuzhikh" [History in the discourse of politics: the linguistic image of "us" and "them"]*. Moscow: URSS, **2018**.
34. Chikileva L. S. *Ritoricheskii diskurs: kognitivno-pragmaticheskii i strukturno-stilisticheskie aspekty [Rhetorical discourse: cognitive-pragmatic and structural-stylistic aspects]*. Moscow: Flinta, **2005**.
35. Chikileva L. S., Sergeeva A. G. *Liberal Arts in Russia*. **2020**. Vol. 9. No. 1. Pp. 42–60.
36. Sheigal E. I., Deshevova V. V. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. **2009**. No. 34(72). Pp. 145–148.
37. Sheigal E. I. *Semiotika politicheskogo diskursa [Semiotics of political discourse]*. Moscow: ITDGG "Gnozis", **2004**.
38. Shcherbak I. V. *Politicheskaya lingvistika*. **2019**. No. 6(78). Pp. 125–131.
39. Chilton P. *Analysing Political Discourse: Theory and Practice*. London: Routledge, **2004**.
40. Fairclough N. *Encyclopedia of Language and Linguistics*. Ed. K. Brown. Oxford: Elsevier, **2005**.
41. Girnth H. *Muttersprache*. **1996**. Bd. 106. Pp. 66–80.
42. Shiffrin D. *Approaches to Discourse*. Oxford, Blackwell, **1994**.
43. Thomas K., Kilmann R. *The Thomas-Kilmann conflict mode instrument*. Mountain View, CA: CPP, Inc., **1974**.
44. An attempt to destroy the Ukrainian European way of life by all-out war. Address by Volodymyr Zelensky, President, Ukraine. Delivered in special plenary session of the European Parliament, Brussels, February 9, **2023**.

URL: https://prorhetoric.com/an-attempt-to-destroy-the-ukrainian-european-way-of-life-by-all-out-war/?utm_source=UA-166835896-1&utm_medium=email&utm_campaign=Pro+Rhetoric.

45. Are you ready for the U.N. to be dissolved? Do you think that the time of international law has passed? Address by Volodymyr Zelensky, President, Ukraine. Delivered via video to the United Nations, April 6, **2022**. URL: https://prorhetoric.com/are-you-ready-for-the-u-n-to-be-dissolved-do-you-think-that-the-time-of-international-law-has-passed/?utm_medium=email&utm_campaign=Pro+Rhetoric&utm_source=UA-166835896-1.
46. Can you only imagine? Address by Volodymyr Zelensky, President, Ukraine. Delivered via video to Canadian Parliament, March 15, **2022**. URL: https://prorhetoric.com/can-you-only-imagine/?utm_campaign=Pro+Rhetoric&utm_source=UA-166835896-1&utm_medium=email.

Received 05.02.2023.